

Кара Мин

Торячий, властный
БОСС

18+

Кара Мин

Горячий, властный босс

«Автор»

2026

Мин К.

Горячий, властный босс / К. Мин — «Автор», 2026

Марина работала секретаршей, пока в её жизнь не ворвался он — новый босс Максим. Холодный, властный, опасный. Он диктовал ей, как одеваться, говорить и стонать. Каждый его приказ был сладкой пыткой, а закрытая дверь кабинета — входом в мир, где она уже не принадлежит себе. И чем сильнее он ломал её волю, тем больше ей хотелось быть его.

© Мин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Горячий, властный босс

Глава 1

Марина стояла у самой двери, пальцы незаметно сжимались в кулак в кармане пальто. Её сердце билось заметно быстрее, чем хотелось бы. Кабинет был огромным, но странным образом — тесным. Деревянные панели стен поглощали звук шагов, плотные тёмные шторы полностью отрезали дневной свет. Лазурный свет падал только от массивной настольной лампы, выхватывая из полумрака строгие очертания стола и фигуру за ним.

Максим даже не поднялся. Он сидел, откинувшись в кресле, пальцы переплетены, взгляд — прямой, тяжелый.

— Закройте дверь, — бросил он негромко, и даже не смотрел, исполнила ли она. Просто ждал.

Марина, чувствуя, как кожа на затылке холодеет, аккуратно прикрыла створку. Щёлкнул замок.

— Садитесь, — он кивнул на кресло напротив.

В этот момент она заметила, что между их местами нет привычной перегородки стола, только пространство, словно намеренно уменьшенное, чтобы собеседник оказался ближе, чем комфортно.

— Резюме ваше читал, — начал Максим. — Образование подходящее, опыт тоже... — лёгкая пауза, как будто он взвешивал каждое слово. — Но опыт — это не всё. Мне нужно понимать другое.

Марина молчала, ожидая, что он продолжит.

Он чуть наклонился вперёд, локти упёрлись в подлокотники кресла. Голос стал ниже, теплее, но опасно тягучим:

— Я требую от людей, которые рядом, абсолютной отдачи. Лояльности. И не только в работе с документами или сделками. Мне нужно, чтобы подчинённый чувствовал ритм компании... мой ритм.

Он сделал ещё паузу и чуть прищурился, будто проверяя её реакцию.

— Здесь решения принимаются не в переговорных. А иногда — вот в таких кабинетах. Между четырьмя стенами. И... — он задержался на слове, — между людьми, которые понимают друг друга без лишних фраз.

Марина сглотнула, не в силах удержать взгляд, хотя внутренне что-то подсказывало, что было бы разумнее отвести глаза. Но Максим этого явно ждал — прямого зрительного контакта, подчинения через простое "смотри на меня".

— Скажите, Марина, — он проговорил тихо, почти мягко, но с той особой интонацией, в которой не было места несерьёзности, — вы умеете быть преданной? Настолько, чтобы иногда выполнять... нестандартные задачи? Даже если их не будет в должностной инструкции.

Он медленно провёл пальцем по краю кожаной папки. Движение было неторопливым, почти незначительным на первый взгляд, но в нём ощущался намёк на контроль — такой же, как в его взгляде, который он не отрывал от её лица. Словно примерял её к чему-то, что существовало только в его голове, нащупывал границы допустимого, проверяя, где именно она дрогнет.

Марина почувствовала, как время между вопросом и её возможным ответом растянулось. Ей казалось, что он слышит даже то, что она ещё не сказала: дыхание, чуть учащённый пульс, незаметное движение пальцев, — всё было на виду.

Она отвела взгляд, и только тогда позволила себе оглядеться.

Офис Максима напоминал скорее тщательно выстроенную декорацию, чем рабочее пространство.

Просторный, без лишних деталей: чёрное дерево, тёмное матовое стекло, ровный мягкий свет без резких теней. Ни одного предмета, который выглядел бы случайным. Даже книги на полке были расставлены по высоте, корешки в единой линии, словно под линейку. В дальнем углу, чуть наискосок к панорамному окну, стояла кожаная софа — настолько идеально выровненная, что хотелось проверить, нет ли под ней разметки на полу.

Только сейчас Марина поняла, что в этом пространстве нет мелочей — каждое пятно света, каждая папка, каждая ручка находились там, где он решил. Здесь всё подчинено одной логике — его логике. А значит, и её присутствие здесь не было случайным.

Он сидел за широким, монолитным столом, слегка откинувшись на спинку кресла, и молчал достаточно долго, чтобы её нервозность превратилась в тихое дрожание в пальцах.

— У нас в компании всё просто, — наконец произнёс он, не повышая голоса. — Я даю поручения, а ты выполняешь. Без вопросов, без заминок.

Он встал, обойдя стол медленно, будто смакуя сам факт того, что она следит за каждым его движением.

Остановился рядом, и, немного наклонившись, произнёс:

— Первое задание... — он сделал секундную паузу, в которой можно было услышать её собственное сердцебиение, — принеси мне папку с верхней полки шкафа.

Слова звучали буднично, но Марина сразу почувствовала подтекст. Шкаф был высокий, стеклянные двери отражали мягкий свет от лампы, и, чтобы достать папку, ей придётся... вытянуться, подставив спину под его взгляд. Она поняла это в ту же секунду, как он произнёс слова.

— Там, в самом центре, с чёрным корешком, — уточнил он, и взгляд его стал чуть тяжелее. Он отошёл на полшага, оставляя ей проход, но не сводя глаз.

Она поднялась, ощущая, как напряжение в воздухе почти щекочет кожу. Смешанное чувство: желание дистанцироваться и... странный, непрошенный интерес, который поднимался откуда-то глубоко внутри.

Подойдя к шкафу, она потянулась вверх — и в отражении стекла увидела его: руки в карманах, плечи расслаблено, но взгляд сосредоточен только на ней. Не просто смотрит — оценивает. Проверяет понравившуюся вещь перед покупкой.

— Хорошо, — тихо сказал он, когда папка оказалась у неё в руках. — Видишь, ты выполняешь моё поручение идеально. Думаю, мы на верном пути. Но следующие... будут сложнее.

Он сел обратно, жестом пригласив её вернуться на место.

А сердце Марины всё ещё билось так быстро, словно она пробежала дистанцию. И сама себе она не могла честно сказать: что сильнее — страх или то другое чувство, от которого внутри становится жарко.

Она села на стул напротив, положив папку на край стола, но он не стал её открывать. Вместо этого медленно, почти лениво провёл пальцем по обложке, словно этот жест был важнее любых документов.

— Знаешь, — начал он, чуть откинувшись назад, — деловые поручения... это лишь часть работы. Есть ещё умение понимать меня с полуслова. Реагировать на тон, на взгляд... — он чуть прищурился. — Готова попробовать?

Марина почувствовала, как кожа на шее нагрелась.

— Попробую, — ответила она осторожно.

Он усмехнулся, встал и подошёл к ней сбоку. Его ладонь легко коснулась спинки её стула, но она ощущала этот контакт так остро, будто его рука лежит на ней самой.

— Второе поручение, — сказал он, чуть наклонившись к её уху, голос стал почти интимным шёпотом. — Сними резинку с волос.

Внутри что-то болезненно дёрнулось. Простая просьба... или не совсем простая?

Отказываясь встречаться с его взглядом, она медленно подняла руки и стянула резинку. Волосы мягко упали на плечи.

— Вот так, — он отодвинулся на шаг, позволяя себе рассмотреть её. — Ты уже начинаешь понимать правила.

Тишина вытянулась, тяжёлая, наполненная. Марине казалось, что он как будто изучает не лицо, а реакцию — уголок губ, движение ресниц, дыхание.

— Теперь... — он сделал паузу, и её сердце ухнуло вниз. — Подойди сюда.

Она встала — не сразу, но он явно засчитал это как часть проверки. Подошла к краю стола, и теперь они были почти на одном уровне: он сидел, но всё равно казался выше.

— Оставь папку здесь, — он убрал её в сторону за одно движение. — И положи руки на стол.

Марина подчинилась, чувствуя, как её кисти чуть дрожат. Он накрыл их своей ладонью, тёплой, но с твёрдым нажимом.

— Хорошо. Запомни: когда я что-то говорю, это не обсуждается. Даже если тебе кажется... слишком. Особенно — если кажется слишком.

Он чуть потянул её ближе, и расстояние между ними сократилось до едва ощутимого, когда дыхание другого уже чувствуется на коже.

— Следующее поручение... — сказал он тихо, — скажи мне, что ты чувствуешь прямо сейчас. Без фильтров.

Ей казалось, что голос застрял в горле. Слова вышли шёпотом:

— Мне... страшно. Но... интересно.

Уголок его губ дрогнул в почти одобрительной улыбке.

— Значит, всё идёт правильно.

Глава 2

Он не отводил глаз — взгляд цепкий, тяжёлый, лишаящий возможности спрятаться. Марина пыталась удержать ровное дыхание, но каждая секунда молчания давила сильнее, чем крик.

Внезапно он поднялся. Движение было плавным, но в нём ощущался тот самый хищный напор, от которого мышцы сами сжимались. Несколько шагов — и он уже стоял вплотную, так близко, что она чувствовала тепло его тела, исходящее сквозь ткань костюма.

Его рука поднялась, задержалась на полпути... и резко, но точно ухватила её за подбородок. Пальцы сомкнулись плотно, без боли, но так, что стало ясно: вырваться невозможно.

— Смотри на меня, — произнёс он низко. Не просьба. Приказ.

Она попыталась отвести взгляд вбок — рефлекс, желание уйти из этой тянущей, почти гипнотической близости. Но его хватка усилилась, и он чуть приподнял её подбородок, фиксируя лицо строго по центру, так, чтобы глаза встретились с его.

— Я сказал, смотри. — Голос стал тише, но от этого только опаснее.

Внутри всё сопротивлялось — сердце забилося так шумно, что она слышала кровь в ушах. Она понимала: это — нарушение границы, то, что раньше показалось бы невыносимым. Но отступить было невозможно.

Она поймала свой отражённый страх в его зрачках... и ещё что-то. Что-то, от чего становилось жарко в груди.

— Вот так, — он говорил уже почти шёпотом, но пальцы по-прежнему держали железно. — Видишь? Даже это ты можешь выдержать, если я того хочу.

Он отпустил её подбородок медленно, будто проверяя, не попытается ли она отшатнуться. Но Марина осталась стоять на месте — и это, казалось, удовлетворило его даже больше, чем полное послушание минутой раньше.

— Запомни это ощущение, — сказал он, чуть наклонившись, и его дыхание скользнуло по её щеке. — Оно будет возвращаться. Каждый раз, когда я подойду так близко.

Он снова шагнул к ней, сокращая воздух между ними до нуля. Его рука без предупреждения вжалась в её талию и рывком прижала к себе, так что грудь упёрлась в его грудь, а дыхание смешалось в одном коротком, неровном вдохе.

Пальцы другой руки вцепились в её волосы у затылка, резко откинув голову назад. Марина выдохнула — не возмущение, а короткий рваный звук, который тут же застрял в горле, когда он накрыл её рот поцелуем, больше похожим на захват. Губы, зубы, язык — всё требовало, подчиняло, стирало границу между её телом и его.

Он не спрашивал — он брал. Рука скользнула вниз, прижимая её бёдра к своим, намеренно давая почувствовать жёсткость, скрытую тканью брюк. Его хватка была тяжёлой, как кандалы — без вариантов.

— Развернись, — рявкнул он, даже не отпуская волос.

Она послушалась — не потому, что хотела, а потому, что её тело уже перестало ей подчиняться.

Он прижал её лицом к стене, фиксируя её ноги на ширине плеч, и сдёрнул молнию на её платье одним резким движением. Ткань соскользнула по плечам и упала вниз, открывая спину и бёдра.

Холодный воздух и горячие ладони — сочетание сводило с ума. Его пальцы прошлись по её бедру, грубо, с нажимом, как будто проверяя, насколько она готова.

— Вот так... — он наклонился к самому уху, его грудь прижалась к её спине. — Ещё секунду, и ты уже не сможешь притворяться, что не хочешь этого.

Пальцы нашли промеж ног, скользнули внутрь ткани белья, и она от неожиданного толчка ладони издала глухой, сдавленный стон, прилипнув лбом к прохладной стене.

Он выругался тихо, глухо, так, что звук прошёл по её коже дрожью, и в тот же момент рваным, решительным движением стянул с неё последние остатки ткани, оставляя её беззащитной в своей власти. Его рука схватила её запястья и вбила их в стену — так крепко, что она чувствовала, как дерево за спиной чуть прогибается. Второй рукой он действовал уже без всякой жалости: жёсткие, резкие касания, обрывающие дыхание, задавали свой безапелляционный ритм, — и этот ритм был только его.

В какой-то миг Марина уже не могла понять, что между ними сейчас — борьба, где она ещё пытается удержать себя в руках, или подчинение, где каждый вздох — признание, что он правит ситуацией полностью. Но одно она знала точно: отойти от этой стены и вырваться из его хватки, тугой, как капкан, она не сможет. Даже если бы захотела.

Всё растворилось в глухом, горячем мгновении, в котором не осталось ни слов, ни размышлений — только его дыхание у её виска и напряжение в его теле.

...Когда он всё же отпустил, не произнеся при этом ни слова, её ноги едва держали. Марина не пыталась что-то сказать — знала, что тишина сейчас лучше любой фразы. Он прошёл мимо, словно переступая через невидимую черту между тем, что только что произошло, и настоящим, которое требовало другого тона.

Он подошёл к двери, закрыл её за её спиной. Щёлчок замка в этой тишине прозвучал как выстрел.

Марина почувствовала, что воздух в комнате стал гуще, тяжелее, и уже понимала: объяснений он сейчас не примет. Это не тот случай.

На столе ровно по центру лежал распечатанный документ — один лист, но он почему-то ощущался тяжелее любого досье. Максим медленно уселся в кресло, перевернул страницу,

провёл пальцем по строчке, затем поднял взгляд. Медленный. Холодный. В нём не было эмоций, кроме плохо скрытого раздражения, которое он даже не пытался приглушить.

— Ошибка, — произнёс он, чётко, жёстко, как приговор. Каждое слово, как шаг палача по каменной лестнице. — Знаешь, что это значит.

Он обошёл стол, остановился вплотную, и, прежде чем она успела что-то сказать, пальцы его сомкнулись на её подбородке, заставляя поднять голову.

— Наказание будем проводить здесь. И запомни — оно не имеет отношения к работе. Это для тебя, чтобы в следующий раз ни одна твоя буква не была дрянью.

Он усадил её на край стола, колени врозь, сам стоял перед ней, блокируя любое движение.

— Руки за спину, — приказал он. Когда она подчинилась, его ремень уже был в руках. Он обернул кожу вокруг её запястий, стянул так, что кожа побелела, а она ощутила первый толчок паники.

Пальцы его медленно скользнули по её внутреннему бедру, оставляя полосы тепла на коже.

— Здесь ты моя. А «ошибка» означает, что я имею право исправить тебя так, как считаю нужным.

Он развернул её лицом к столу, прижал грудью к её спине так, что она ощутила его дыхание у шеи. Рука сжала её челюсть, запрокидывая голову.

— Говори, что поняла, кому ты принадлежишь.

Она молчала — и он тут же опустил ладонь на её ягодицу с резким хлопком. Потом ещё. Каждый удар был не просто болью, а выверенным сигналом: он контролирует ритм, он решает, когда будет легче, а когда — сильнее.

С каждым движением он всё ближе смещался к центру её тела, и, когда она застонала, он тихо усмехнулся.

— Вот, уже начинаешь учиться. Ошибка — моё удовольствие. Исправление — твоё испытание.

Его ладонь скользнула под её юбку, сминая тонкую ткань белья, а другой рукой он всё ещё удерживал её запястья, не давая ни шанса уйти. Он держал её так, словно перетянул канаты в голове — лишая выбора, но заставляя хотеть именно этого, именно его прикосновений, именно того наказания, что он выбрал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.